

Русский Гуманитарный Интернет Университет

Библиотека

Учебной и научной литературы

[WWW . I - U . RU](http://www.rgu.ru)

Исследовательская парадигма социального конфликта

Современная конфликтология в контексте культуры мира. Москва, 2001. СС. 18-24.

Общественные науки предложили множество парадигм, углубивших наши знания о конфликте (в частности, на основании работ К. Маркса, М. Вебера, Р. Дарендорфа). Эти парадигмы до последнего времени оставались неупорядоченными не только из-за того, что реальность ставила их под сомнение, но и вследствие того, что они рассматривались исключительно в русле детерминизма или эволюционизма.

Рассмотрим сложившуюся ситуацию более подробно.

Исторически в распространении различных концепций социального конфликта выделяются три основных этапа.

Первый (с середины XIX в.) означал господство как марксистских, так и немарксистских представлений. В противоположность идее, согласно которой конфликт из-за различных интересов (в основном классовых) является основой эвристического принципа объяснения истории (Маркс), высказывались мысли о том, что конфликт, являясь основным понятием социологии, неотделимым от всей культурной жизни (Вебер), имеет как позитивные, так и негативные последствия (Зиммель).

Второй этап (середина XX в.) характеризуется преобладанием структурно-функциональной школы, отражающей тогдашнюю систему институтов, законов, личностных и групповых взаимодействий североамериканского и европейских обществ (Парсонс). В рамках этой школы, трактующей конфликт в качестве социальной болезни (Комте), в качестве «укрощенного» фактора постепенного развития общества (Козер), неотъемлемого элемента действия (Дарендорф), происходит пересмотр

категориальной системы конфликта, в частности происходит отказ от попыток «решения» конфликта, сопровождающийся принятием тезиса о его «регуляции».

Третий этап (конец XX в.) связан с радикально изменившимися обстоятельствами на макроуровне (столкновение цивилизаций, распад СССР, рост межэтнической напряженности). Объяснение конфликта «классическими» теориями стало считаться неадекватным и слишком абстрактным. Так, новые институционалисты (Бурдье, Гидденс, Скотт, Флигстайн) сделали вывод, что конфликт объясняется соперничеством старых институтов с претендентами на отдельных полях, их переходом в смежные поля. И, как следствие, изменение их позиций. Конфликты в этих условиях ориентированы на достижение того или иного конкретного результата.

Теория нового институционализма, таким образом, означает пересмотр традиционной концепции «конфликта субъектов» с упором на то, как участники конфликта ориентируют свои действия относительно друг друга. Конфликтующие субъекты должны учитывать наличие многих действующих лиц, интерпретировать намерение последних, моделировать свои собственные действия и убеждать окружающих действовать заодно с ними.

Большинство современных российских исследователей приняло в основном принцип так называемого теоретического плюрализма. Их объект — конфликты переходного периода, а методы остаются традиционно дисциплинарными. Однако, отдельные успешные попытки объединения на междисциплинарной основе оказываются неадекватными ожиданиям со стороны научной среды.

По-прежнему достаточно авторитетной остается марксистская школа. Ее влиятельные представители (Т. И. Ойзерман, А. А. Калганов, В. Н. Иванов, М. Н. Руткевич, В. И. Староверов и др.) акцентируют свое внимание на конфликтогенности социальной структуры российского общества, рассматриваемой как отношения первенства социальных групп. Признавая тот факт, что обмен товарами, культурными ценностями, миграция, вложение капитала, информация и другие формы современного взаимодействия способствуют модернизации, они отмечают противоречивый характер этого взаимодействия. Эксплуатация менее развитых стран, войны, нищета огромных масс населения, распад государств, террор, социальные болезни приводятся в качестве доказательств этих противоречий. Полемизируя с представителями психологического направления, они считают ошибочными попытки положить в основу понимания социальных систем структуру самой личности. Ведь для того, чтобы перейти от структуры личности к структуре общества в более широком аспекте, необходимо

выяснить некоторые общие черты в установках личности, т. е. обратиться к господствующим социальным нормам.

Вопрос, следовательно, можно перенести в плоскость выяснения природы социальных норм, регулирующих поведение людей, в том числе в единичных актах взаимодействия двух (или более) индивидов. Социальные нормы, осознаваемые людьми, — это прежде всего нормы морали и права, которые могут выступать прямо, но могут и опосредоваться религией, искусством и т. д. Для марксизма не подлежит сомнению, что эти нормы являются отображением господствующих экономических отношений и что они закрепляются с помощью социальных институтов, среди которых решающее место принадлежит политическим и правовым учреждениям.

Для марксизма социальная структура — это структура *общественных отношений*, различаемых по их характеру, т. е. взаимосвязь экономического базиса, политической, правовой и идеологической надстройки, а также, — в еще более общем плане — взаимосвязь различных областей общественной жизни: экономики, политики, культуры и т. д., различных «подобластей» внутри каждой из них.

Как известно, в марксизме господствующий в обществе способ производства определяет и наличие в нем основных общественных классов. Эти классы самим экономическим и политическим положением в обществе вынуждены бороться между собой. В ходе такой борьбы в конечном итоге и происходит замена одного способа производства другим, а вместе с этим и переворот во всей общественной надстройке. Однако это не означает победу одного класса над Другим, поскольку в процессе перехода к новому способу производства прежние классы исчезают, а им на смену приходят новые, которые и выступают основными действующими лицами революции, опосредующей переход от одного способа производства к другому.

Нынешние исследователи (Калганов А. Н.) вообще считают, что в рамках любого способа производства социальной силой, вызывающей революционные перемены, выступают *не основные классы данного общества, а новые социальные группы*, экономические (и политические) интересы которых связаны с торжеством нового экономического уклада, на основе развития которого в недрах старого общества эти социальные группы и сформировались.

В капиталистическом обществе сопровождающая его историю постоянная борьба

пролетариата и капиталистов не является тем конфликтом, который порождает коммунистическую революцию. Революция становится возможной лишь тогда, когда в недрах капитализма сформируются экономические (а также и политические, культурные и прочие) предпосылки нового общественного строя, а вместе с ними и на основе их развития сформируются и новые социальные группы, интересы которых требуют удовлетворения.

Ситуация, сложившаяся среди наемных работников, известна. Промышленный пролетариат, составлявший прежде значительную массу населения, теперь уже не является доминирующим. В рамках класса наемных работников значительно выросла, с одной стороны, группа специалистов и профессионалов, а с другой, — группа относительно низко квалифицированных работников сферы услуг. Кроме того, в последние два десятилетия отмечается рост удельного веса группы так называемых «самозанятых» (т. е. мелкой буржуазии в прежней терминологии).

Специалисты и профессионалы занимают в системе социально-экономических отношений современного капитализма иное место, нежели промышленный пролетариат. Будучи так же, как и промышленные рабочие, наемными работниками, эти лица в связи с изменением природы современного производства превращаются в определенном смысле слова в ключевые фигуры. Во всяком случае, прогресс общественного производства зависит в первую очередь от них. Эти лица выполняют широкий круг творческих функций, в том числе связанных с созданием новых знаний и обработкой информации. А поскольку современное производство, в точном соответствии с прогнозом К. Маркса, во все большей степени становится добычей и распространением информации, то роль специалистов (включая группы высококвалифицированных рабочих) оказывается намного выше, чем работников физического труда.

Разумеется, конфликт этих групп работников не приобретает те острые формы, которые были свойственны XIX и началу XX веков, однако, с учетом их численности и роли в производстве, их интересы неизбежно приходят в столкновение с интересами капитала, который стремится подчинить творческий процесс извлечению прибыли, утилизировать интерес к самосовершенствованию с тем, чтобы поставить его на службу накоплению капитала (Альтернативы. 1999. №3).

М. Вебер, противопоставляя марксистской теории классов свою схему социальных различий, базировал социальный конфликт на неравенстве доходов. Кроме того, Вебер ввел на равных правах с экономическими различия по *власти (power)* и по *престижу*, кот

орый определяется принадлежностью малой группы и индивида к тем или иным «социальным слоям», «социальным группам». Таким образом, М. Вебер противопоставлял

диалектике

Маркса, которая объясняет взаимосвязь экономики, политики и сознания, исходя из первичности экономики,

эклетику,

поскольку вопрос о внутренней связи указанных трех признаков у него не был разработан.

Со времен Вебера появилось множество объяснений причин социальных конфликтов. Их общая философская основа такова: в целях более полного их анализа надо строить разные модели структуры, берущие объект под разным «углом зрения», а затем изучать их «взаимодействие». Западные, а ныне и мно-гие отечественные социологи (Здравомыслов А. Г., Ядов В. А. и др.) повторяют обвинения в адрес марксизма, который, по их мнению, страдает «узкоэконо-мическим» подходом, в то время как они стараются принимать во внимание все иные векторы общественной жизни.

В середине XX в. Парсонс утверждал, что центральным вопросом социо-логической теории является «проблема социального порядка» в *«Социальной Системе»*, который принимается как необходимое условие общественной жизни, и большая часть его книги направлена на рассмотрение того, каким образом механизмы, поддерживающие порядок, реагируют на зарождающиеся конфликты и устраняют их.

Один из путей улаживания разногласий между теорией порядка структурно-го функционализма и теорией конфликта — это придерживаться точки зрения, согласно которой данные теории обращаются к различным ситуациям. Существует спорное утверждение, что есть некоторые упорядоченные и стабильные социальные системы и социальные структуры, а есть другие, которые охвачены конфликтами и нестабильностью. В первом случае уместно применение теории структурного функционализма, а во втором — теории конфликта.

Очевидно, такое своеобразное разделение труда в социологии действительно возникает, даже если это означает проблему выбора используемой теории и возможности того, что социология будет идеологизированной или консервативной, пропагандируя идею стабильности, уделяя ей особое внимание в исследованиях, или утопической и радикальной, способствуя внедрению перемен. Вследствие этого

неудивительно, что возникли претензии и к теории структурного функционализма и к теории конфликта относительно того, какая из них основательнее и более соответствует научной истине. Эта полемика продолжается до сих пор.

Какую из этих теорий применять, — целиком зависит от соотношения между нормативным порядком и установленным властью. В работе Парсонса нормативный порядок понимается как абсолютный детерминант социальной системы, а власть, следовательно, предполагается как средство, которое дается тем людям, которые стремятся достичь цели всего общественного организма. В этом случае нормы объясняются как функциональные, зависимые, необходимые, обуславливающие определенный *баланс сил*.

Современная теория конфликта подходит к этой проблеме с другой стороны. Она начинает с рассмотрения того, что представляется как взаимовыгодный обмен, затем вскрывает внутри этих отношений элементы принуждения и эксплуатации, которые проявляются как нормативные только потому, что у притесняемых и эксплуатируемых нет властных полномочий противостоять им. Вследствие этого теория фокусируется на власти, лежащей в основе этих отношений и рассматривает последствия обмена с точки зрения баланса сил.

Теория конфликтов не предполагает, что кризис общества является результатом постоянной войны всех против всех. Конфликты не означают хаотического беспорядка. Это должно предполагать образование общностей, стремящихся к конфликту, и принятие функциональных связей между сферами влияния институтов, построенных таким образом, что конфликты в одной сфере поддерживаются и подпитываются конфликтами в других сферах.

Следует заметить, что сам Парсонс был согласен с теорией конфликтов, с ее утилитарной традицией, включая различные экономические теории, выступая одновременно против трактовки целей как случайных, независимых с точки зрения социальной системы.

Современный марксизм и функционализм имеют много общего, в частности, они уделяют особое внимание социальным системам. В теории конфликтов, однако, системы вторичны и получают значение в терминах более фундаментальных понятий: целевых и инструментальных действий.

Здесь в нашей парадигме исследования конфликта мы должны обратить внимание на то, что в любой современной социальной системе или структуре мы обнаруживаем действие механизмов заключения сделок и рыночных процессов. Помимо тех случаев, когда результат удовлетворяет все стороны, существуют и другие, в которых результат оставляет одну или более сторон неудовлетворенными или урегулирование достигается под влиянием принуждения. Необходимо отметить также, что власть всегда склонна представлять несправедливые соглашения как взаимовыгодные по чисто идеологическим причинам.

Фактически социология конфликта, когда она применяется в этой области, демистифицирует товарную форму точно таким же образом, каким предлагал делать это Маркс в своем критическом анализе капиталистического хозяйства. Однако, действительность, лежащая в основе создания предметов потребления, объясняется в социологии конфликта не просто как присвоение прибавочной стоимости, создаваемой трудом рабочего, но как борьба властных сил.

Но если сфера рыночных тайн и товарной формы находится в области политической социологии, то отметим возникающую здесь возможность для демистификации прочих социальных отношений. Выбор супругов, например, представлен во многих теориях социологии в качестве сакрального или как одна из немногих областей, оставшихся в рыночно-ориентированном обществе, где объект удовлетворения не стал товаром. Конфликтологи, однако, признают, что рыночные модели могли бы весьма легко применяться к этим процессам и не только в случае проституции, в которой тело открыто выставляется для продажи. Социология обращается к различиям в распределении власти и собственности (включая, например, собственность, заключенную в симпатичной внешности).

Везде, где имеется некоторая возможность применения рыночных моделей, действительно, имеется возможность анализа в терминах социологии конфликта. Изучение возможных рыночных ситуаций с их перечислением составляет ныне центральную область в социологии конфликта.

Марксисты-конфликтологи иногда возражают против анализа рынка в таких понятиях, требуя того, что акцент должен быть сделан на способе производства, а не на рынке. Если, однако, признается, что рынки, к которым мы обращаемся, — не просто средство, чтобы достичь некоторого естественного равновесия, в котором полезность

максимизируется, но и вовлеченность в борьбу за власть, лежащую в основе мистификации товарной формы, — основания для этого возражения в значительной степени исчезают.

Дарендорф был достаточно проницателен, чтобы увидеть, что индустриальные организации вовлечены в конфликт этого вида. Действительно, он поддержал точку зрения, согласно которой в рыночных понятиях можно сделать анализ любого учреждения или организации. Однако, он видел свой вклад в предположении, что власть скорее, чем собственность, является источником конфликта классов. Дело в том, что, если рыночные соглашения — «особый случай», то конфликт происходит всегда относительно власти. Фактически рынок мог бы вести к отношениям власти и подчинения в пределах организаций, но осуществление власти могло бы быть проанализировано в терминах торговли и рынков со всеми возможностями всплеск конфликта, которые свойственны рынку. Ни собственность, ни статус не являются окончательными источниками конфликта. Этот окончательный источник должен быть найден во власти.

Дарендорф был, несомненно, прав, признавая, что полное согласие с пожеланиями власти маловероятно и что обычно там, где имеется власть, — будет также конфликт. Понимание такого конфликта, однако, может быть легко достигнуто через торговлю и рыночные процессы. Так что, в отличие от марксистской модели, Дарендорф имеет тенденцию приуменьшать все имеющиеся экономические причины.

И все же ценность работы Дарендорфа в том, что он предлагает применять теорию конфликта к более широкой сфере. Очевидно, что во всех властных отношениях и в отношениях по поводу собственности возникают сделки и рыночные процессы, которые и создают условия для индивидуальных и коллективных переговоров между предпринимателями и профсоюзами об условиях труда и урегулирования конфликта.

Реальные процессы, происходящие в мире, ставят перед исследователями все новые проблемы. В США, например, структурная проблема отношений чернокожих к политико-экономическому порядку бросает вызов традициям марксистского анализа классов. В европейских странах происходит мобилизация в рядах пролетариата значительного числа этнических меньшинств, представителей иммигрантов. Довольно быстро меняется социально-демографическая структура и в России.

В этих условиях понятие марксизма «класс в себе», «класс для себя» по-прежнему помогают нам сформулировать некоторые структурные проблемы. Ясно, что самый простой вид формирования группы — тот, что происходит среди групп, ищущих монополию на рынке (например профсоюзы и организации предпринимателей). Такие группы, однако, могут двигаться к организации, сталкиваясь с целой гаммой институциональных контекстов, и могут рано или поздно выйти за рамки первоначальных конфликтов, угрожая использованием насилия во имя своих интересов.

Задача социологии конфликта в этой области — расположить каждый случай согласно диапазону распространения и значимости вовлеченности в конфликт. С другой стороны, необходимо рассматривать любой национальный социальный порядок не как постоянно и гладко функционирующую систему, но как занимающую особое эмпирическое место в пределах притязаний правящего класса, перемирий и революционных ситуаций.

Ныне концепции конфликта подчеркивают значимость действий в преследовании целей. Марксистская концепция противоречия не имеет такого ясного значения. Она во многом является чисто логической концепцией, которая пользуется особой популярностью потому, что марксизм воспринял

понятие гегелевской диалектики. Но чувственная человеческая деятельность имеет прямое отношение к концепции противоречия, хотя смысл понятия «противоречивой деятельности» не ясен.

Конечно, возможно взглянуть на социальную структуру с абсолютно идеалистической точки зрения как на воплощение некоторого принципа диалектики и рассматривать социальные элементы, противоречащие друг другу. Такой подход, однако, не дает полного понимания, которое достигается рассмотрением социальных отношений как зависимых от действия, которое понимается как имеющее субъективный смысл. Это также не соответствует взглядам социологической теории, которая считает себя материалистической.

Некоторые исследователи (А. Г. Здравомыслов, В. А. Ядов и др.) настаивают на принципе так называемого теоретического плюрализма, т. е. реализации множественности подходов, мотивируя это признанием «многослойности» социальной реальности. Так, в XIX веке классовая борьба рассматривалась в качестве движущей

силы исторического прогресса (Маркс), а для второй половины века характерна идея многополюсного мира и практики демократического регулирования конфликтов (Дарендорф, Козер).

XX

В общем, аргументация сторонников множественности теоретических конструкций заключается в следующем:

Состояние каждого общества настолько сложно и изменчиво, что может быть изучено лишь частично в соответствии со специализацией ученого.

Социологические теории ныне стали не взаимоисключающими, а взаимодополняющими. Так, современные марксисты используют наследие Вебера, Дюркгейма и других классиков социологии. В свою очередь, представители немарксистских направлений зачастую воспринимают некоторые идеи Маркса в качестве общепринятых.

На социологию, в частности, социологию конфликта воздействуют различные гуманитарные дисциплины с их многообразными школами и направлениями.

Такая точка зрения вызывает возражения у многих ученых. Так, М. Н. Руткевич называет плюралистов «эклектиками» и путаниками, сравнивая их с мечтами гоголевской Агафьи Тихоновны.

Отметим, однако, что все без исключения исследователи все же понимают все изъяны и большие точки плюрализма и призывают к созданию новой интегральной теории. Считая, что эмпирические, прикладные и частные исследования (конфликтологические экспертизы, опросы общественного мнения и т. д.) не определяют будущее науки, они призывают к созданию новых метатеорий.

Как бы то ни было, растущее осознание всеохватной и конфликтной природы общества приводит к необходимости сформулировать программу исследований, призванных минимизировать рост опасности для человека. Эта программа может быть междисциплинарной, что породит риск пересечений и дублирования. Он может быть

Исследовательская парадигма социального конфликта

Добавил(а) Социология
05.09.10 19:55 -

устранен, насколько это возможно, посредством тесного сотрудничества ученых разных специальностей. Ключевыми партнерами можно считать некоторые академические и образовательные организации, где нет явного дефицита специалистов. Однако уязвимым местом окажутся финансовые и организационные недостатки. Но все же необходимость исследований всей целостности конфликтов на разных уровнях (от глобально-го до межличностного) неизбежно направляет нас на этот трудный, полный неожиданностей путь исканий.